

Асия Сафановна Хайретдинова

«Александрино»

О существовавшей в 1920–1930-х годах
в Ницце русской школе под таким названием

Эмблема школы «Александрино»

Несколько лет назад в моих руках оказался архив этой школы. Документальных свидетельств о судьбах детей русских эмигрантов первой волны, об особенностях их существования в иностранной этнокультурной и социальной среде, о школах и гимназиях, создававшихся за рубежом в местах компактного поселения беженцев из России дошло до нас не так уж много. Тем ценнее эти пожелтевшие реликвии — письма, рукописи, фотографии, вырезки из старых газет...

Уже в 1920-х годах русские учебные заведения стали возникать во Франции, Югосла-

вии, Чехии, Харбине. Среди них — открытая 3 октября 1925 года школа «Александрино»¹ в Ницце, находившаяся под покровительством Великого князя Андрея Владимировича. Большой вклад в ее создание внес банкир-меценат М. П. Рябушинский. Учились здесь в основном отпрыски знатных родов, которые остались сиротами или чьи родители испытывали материальные затруднения.

Об «Александрино» в нашей печати упоминаний практически не было. За рубежом ей посвящено несколько серьезных публикаций.

*Аркадий Николаевич Яхонтов.
Фотография 1928 года*

Целую главу отвел школе. П. Е. Ковалевский в своем двухтомнике «Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. 1920–1970 гг.» (Париж, 1971). В 1988 году в Ницце вышла книга Эллис Леруа «Русские в Морских Альпах», где подробно рассказано об истории школы, принципах ее финансирования, учебном процессе, преподавательском составе. Однако к названным изданиям отечественные исследователи и читатели пока доступа не имеют. В 1997 году в дар Государственному архиву РФ были переданы документы Великого князя Андрея Владимировича и его супруги Матильды Кшесинской. Среди этих материалов есть и касающиеся создания и деятельности русской школы в Ницце — их еще предстоит изучить. Заметим, однако: как ни обстоятельны и подробны описания «Александрино» в вышеперечисленных источниках, в конкретике и эмоциональном плане они все же уступают школьному архиву, к которому мы сейчас и обратимся.

Это довольно объемистое собрание автографов, корреспонденции, официальных бумаг, фотографий. Здесь, в частности, — письма Великого князя Андрея Владимировича и его сестры — Великой княгини Елены Владимировны, М. П. Рябушинского, генерала Н. Н. Юденича, князей В. А. Гагарина, П. Л. Меликова, профессоров А. Н. Анциферова, П. П. Мигулина, Е. П. Ковалевского, позднейшие воспоминания воспитанников и многое другое.

Из переписки будущего директора «Александрино» А. Н. Яхонтова² с М. П. Рябушинским и его женой Татьяной Фоминишной мы узнаем, что поначалу Аркадий Николаевич возглавлял приют для малоимущих сирот русских беженцев в городке Йер на юге Франции, из которого со временем и «выросла» школа. Об атмосфере в приюте свидетельствует, например, послание М. П. Рябушинского от 11 октября 1921 года: «Прошу Вас принять выражение моей сердечной благодарности за радушие и гостеприимство, оказанное моей жене. Из [прилагаемой] копии ее письма Вы увидите, какое сильное впечатление произвела на нее постановка дела, сердечное отношение к детям приюта. Вы достигли тех результатов, которые можно получить, лишь вложив всю душу в дело». «Это не приют, — вторит Татьяна Фоминишна, — а одна сплоченная дружная семья. Отношение Аркадия Николаевича и его жены к детям — самое отеческое. Они дают детям ту любовь и заботу, которые могут только дать мать и отец. Во всем виден порядок, чистота».

«ОТНОШЕНИЕ АРКАДИЯ НИКОЛАЕВИЧА И ЕГО ЖЕНЫ К ДЕТЯМ — САМОЕ ОТЕЧЕСКОЕ. ОНИ ДАЮТ ДЕТЯМ ТУ ЛЮБОВЬ И ЗАБОТУ, КОТОРЫЕ МОГУТ ТОЛЬКО ДАТЬ МАТЬ И ОТЕЦ. ИНТЕРЕСНО НАБЛЮДАТЬ, КАК РУССКИЕ ДЕТИ, ПОЧТИ УТЕРЯВШИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ОПЯТЬ ПРИОБЩАЮТСЯ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ, ВСПОМИНАЮТ РОДНОЙ ЯЗЫК И СОСТАВЛЯЮТ ОДНУ ДРУЖНУЮ РУССКУЮ СЕМЬЮ».

Князь же Владимир Анатольевич Гагарин в одном из писем того же 1921 года не только делится впечатлениями от приюта, но и формулирует задачи воспитания юного поколения эмиграции: «Вся усадьба приюта, радушные хозяева и милые русские дети производят такое чарующее впечатление русского культурного и морального оазиса, что, я думаю, каждый русский человек, случайно попавший туда, не удержится и, подобно мне, постарается передать лицам, участвовавшим

АРХИВ

*Слева — Великий князь Андрей Владимирович, справа — А. Н. Яхонтов.
Фотография конца 1920-х — начала 1930-х годов*

А. Н. и А. Я. Яхонтовы с воспитанниками на крыльце школы.

в создании приюта, свое удивление и благодарность. Интересно наблюдать, как русские дети, почти утерявшие национальность, опять приобщаются к русской культуре, вспоминают родной язык и составляют одну дружную русскую семью, которую так странно видеть на берегу Средиземного моря. Будучи сам отцом, я не раз задумывался над трудностями, которые, пожалуй, и не преодолеешь, чтобы воспитать детей русскими. Дети так легко усваивают язык, который слышат вокруг, и так быстро забывают собственный, что денационализация молодого эмигрантского поколения вполне возможна, если с этим не будут бороться. Наш старший мальчик, напр., несмотря на все наши усилия, гораздо легче объясняется по-английски и по-французски, чем по-русски, и его приходится учить родному языку так, как наше поколение когда-то учили языкам иностранным. Вот нам и пришла мысль, нет ли возможности отвезти его <...> в Йэр, хотя бы на непродолжительное время, для «обрусения» и первоначального обучения».

Забегая вперед, заметим, что просьба князя была удовлетворена: в списках воспитанников школы «Александрино» находим имя Юрия Гагарина и дату его рождения — 15 июля 1913 года. Есть и скорбное известие: в 1945 году лейтенант французской армии 34-летний Юрий Гагарин погиб на германском фронте.

Сохранился в архиве текст обращения, распространявшегося летом 1925 года среди русского населения средиземноморского побережья Франции: «1 октября <...> открывается в Ницце (вилла Сен-Сир, Бульвар Царевича, в трех минутах ходьбы от остановки трамвая номер 3) русское учебно-воспитательное заведение под названием «Александрино». Школа эта, преобразуемая из Приюта для русских детей, учрежденного семьею Рябушинских в 1921 г., имеет целью предоставление русским детям воспитания и образования в нормальной русской бытовой обстановке. В школу принимаются дети обоего пола. Плата для живущих — 4200 франков в год на всем готовом. Плата для приходящих — 200 франков в месяц, с горячим завтраком».

Об открытии школы ее директор А. Н. Яхонтов сообщал М. П. Рябушинскому: «День 3 октября удался на славу: было и торжественно и уютно и как-то бодряще. Собралась почти вся Ницца русская. По подсчету, нас посетило около 200 человек во главе с нашим почетным руководителем в. к. Андреем Владимировичем с семьей. Молебен служил епископ Вениамин Сева-

стопольский с большой простотою и задушевностью. Усадьба, наше новое устройство, наши старые, идущие преемственно из Александрина (имеется в виду Царское-сельский лицей. — А. Х.) порядки и обычаи, вообще весь дух учреждения всем, видимо, понравились. Самый факт многолюдности гостей служит показателем интереса и сочувствия к нашему делу, которые подтверждают наплыв желающих поместить к нам своих детей различных возрастов».

Известен состав Комитета русской школы «Александрино», куда вошли Великий князь Андрей Владимирович (председатель), а также ряд видных ученых, государственных и военных деятелей дореволюционной России.

А вот список воспитанников, «полностью освобожденных от платы за обучение, ввиду их бедственного положения». Среди них — Лена (10 лет) и Татьяна (11,5 лет) Мельник — внучки доктора Боткина, «убиенного большевиками вместе с императором Николаем II и его семьей», княжна Елизавета Голицына, Марина Тутолмина — сирота, «дочь гвардейского офицера, погибшего за родину». Всего в списке более 20 фамилий.

Попечительский совет и педагоги перед зданием школы «Александрино». В белой митре — владыка Евлогий (Георгиевский), среди стоящих (в белом платье) — графиня Екатерина Николаевна Коновницына, крайний справа — духовник школы священник Александр Викторович Ельчанинов, крайний слева — А. Н. Яхонтов

Значительный раздел архива составляют документы, определяющие статус школы, ее финансовую основу. Это — подробные многостраничные годовые отчеты директора, деловая переписка с Франко-русским комитетом и Академической группой в Париже, под юрисдикцией которой школа находилась. Сохранился школьный устав, гимн и описание нагрудного знака воспитанника³. В архиве немало материалов, проливающих свет на характер финансирования «Александрино» — в основном за счет пожертвований. Так, 19 июня 1925 года М. П. Рябушинский пишет директору: «Школа будет существовать в том размере, в каком это позволяют собираемые средства. При сем препровождаю Вам чек в сумме 100 фунтов стерлингов, каковые 100 франков за один фунт составляют эквивалент 10000 франков». Из письма А. Н. Яхонтова: «А. Н. Наумовым⁴ внесено 1200 франков на выдачу частичной стипендии, для которой он избрал Александра Апухтина 7-ми лет. У Апухтиных в настоящее время положение исключительно тяжелое. Семья состоит из отца, к труду полуспособного (отрезана рука по плечо), из матери очень слабого здоровья и 4-х детей, младшему 8 месяцев. Конечно, Александра можно было посылать в коммунальную школу, но это мальчик слабенький, впечатлительный, нервный и болезненный, так что родители не могли решиться отдать его в такую школу, где

ему не были обеспечены необходимые заботы, ласка и здоровый стол».

В третьей части архива — документы, относящиеся непосредственно к школьной жизни: распорядок дня и расписание уроков, списки учащихся и педагогов, учебные программы, газетные публикации об «Александрино», а также программки благотворительных балов, выпускных вечеров, детских утренников. А. Н. Яхонтов так характеризовал дух и атмосферу школы: «Что касается дисциплины и общего направления, будучи старым воспитанником Императорского Александровского лицея, я стараюсь проводить среди воспитанников те приемы, в которых я воспитывался сам и которые оправданы вековым опытом лицея».

Учительский коллектив «Александрино» подбирался тщательно. Инспектором и преподавателем физики, математики, черчения и гимнастики состоял бывший полковник Генерального штаба М. И. Изергин, законоучителем — А. В. Ельчанинов⁵, барон А. А. Черкасов вел уроки новой истории и природоведения, композитор А. А. Страхов — пение (организованный им школьный хор славился по всему Лазурному берегу), а бывшая звезда «Мариинки» Юлия Седова давала классы хореографии. Поскольку обучение осуществлялось на русском и французском языках, половина штата комплектовалась местными педагога-

ми. Душой и сердцем «Александрино», как уже неоднократно говорилось, были Аркадий Николаевич Яхонтов, преподававший во всех классах историю, и его жена Аделаида Яковлевна — она, помимо ведения хозяйственных и административных дел, преподавала этику, основы домоводства, участвовала в подготовке школьных праздников.

Архив содержит несколько рукописных программ этих праздников, на которых «александринцы» в присутствии почетных гостей читали басни Крылова, стихи Пушкина, Лермонтова, А. Толстого, Мея, Полонского, Фета, Тютчева, Апухтина, ставили сцены из пьес Островского, танцевали; школьный хор исполнял русские народные песни, а солистки — романсы и арии из русских опер. Часто воспитанники давали выездные концерты, пели в храмах. Есть в архиве письмо генерала Н. Н. Юденича от 21 октября 1931 года, в котором он выражает благодарность за радушный прием в «Александрино»: «Пусть Господь поможет Вам и Вашим помощникам вести столь ответственное, трудное, но бесконечно важное для будущей России дело подготовки нового поколения русских людей, любящих и знающих свою далекую Родину, а учащейся молодежи даст силы, здоровья, знания и любовь к Родине для будущего служения последней».

А вот вырезка из эмигрантской газеты «Возрождение» от 20 марта 1929 года: «На днях в «Отель де Пари» в Монте-Карло под покровительством Вел. князя Андрея Владимиро-

вича состоялся благотворительный гала-обед. Присутствовали: шведский король Густав V, принц Иоахим Альбрехт Прусский, свита шведского короля, чета Вандебильт, герцогиня Ларошфуко, барон де Стерн. <...> Чистый сбор, составивший 50 тысяч франков, поступил в распоряжение попечительского совета школы, в которой обучаются дети неимущих родителей».

Однако средств все равно не хватало, и в 1934 году из-за возросших материальных трудностей школа вынуждена была прекратить свою деятельность. По поводу закрытия «Александрино» А. Н. Яхонтов сетовал в одном из писем: «Испытываю горечь и остроту переживаний при виде неотвратимой гибели родного дела. Преимущество с прошлым и традициями Императорской России я неуклонно стремился поддерживать и закреплять в стенах руководимого мной учреждения. Больно собственными руками разрушать и расплывать то, что было создано многолетним и, скажу без лишней скромности, одухотворенным трудом. Но надо следовать примиряющему призыву поэта: «Не говори с тоской — их нет, а с благодарностию — были». Прочитируем также адресованное директору письмо бывшего члена Ученого комитета министерства народного просвещения и председателя Комиссии по народному образованию Государственной думы, члена попечительского совета «Александрино» Е. П. Ковалевского: «Как обидно и тяжело за русское дело! Погибло прекрасное заведение, сделавшее так много в вопросе

Во дворе школы «Александрино» после торжественного акта по случаю окончания учебного года (1925/26)

национального воспитания и образования. Я могу засвидетельствовать, что Вы были на посту, как капитан на рубке корабля в бурю, — все сделали, все перепробовали, чтобы спасти национальные очаги, но силам человеческим есть предел, и его не перейдешь. Приношу Вам от имени Академической группы благодарность за Вашу выдающуюся педагогическую работу».

Отозвались на закрытие своей «Alma mater» и воспитанники «Александрино». Из письма правнучки Льва Толстого баронессы Ольги Икскуль (в девичестве Мясоедовой) от 9 марта 1934 года: «Я поняла, насколько я любила школу и как трудно смириться с тем, что ее больше нет. <...> Я уже давно замечала,

Воспитанники школы на сборе винограда.

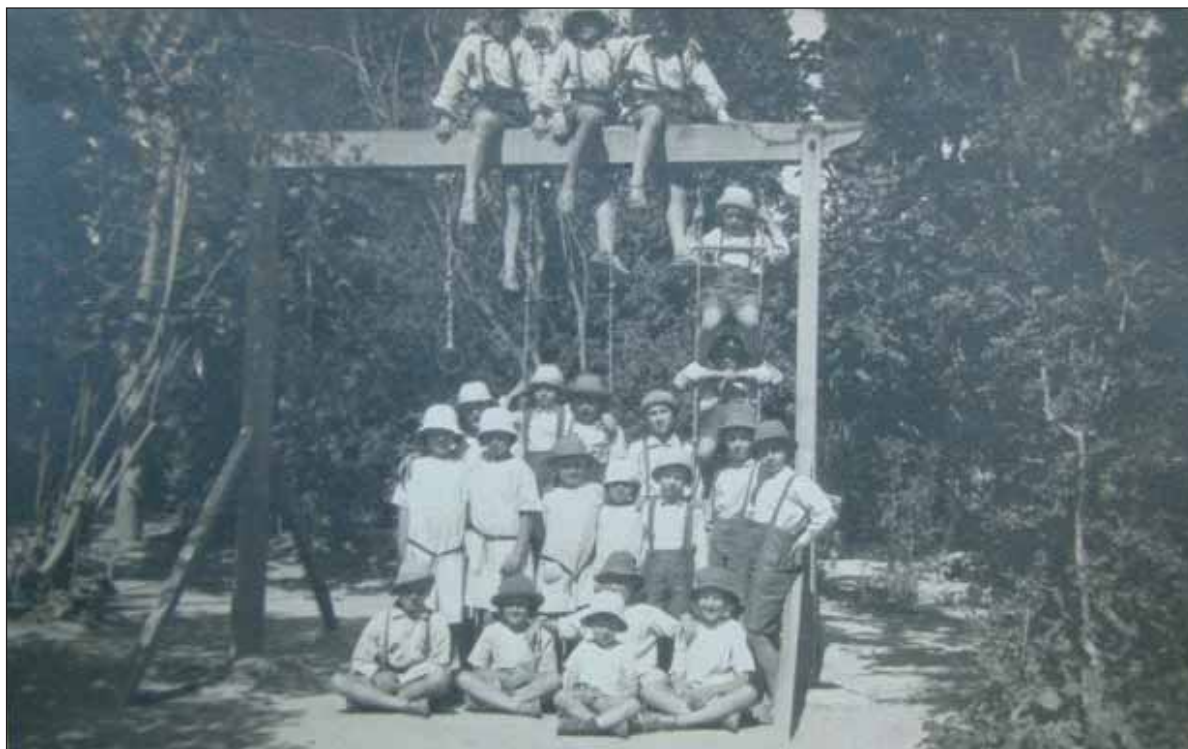
Фотография 1923 года

что на всех на нас есть какой-то отпечаток и везде нас можно отличить от других».

В 1939 году скончался А. Н. Яхонтов. В архиве имеются записи прощальных слов, произнесенных на его похоронах. «Кто из нас может забыть Аркадия Николаевича? Благодаря ему около сотни молодых людей и барышень ныне живут русской жизнью. И, как мы можем видеть, устраивают по-русски свою семейную жизнь, и по-русски мыслят, и не забывают, «не опоганивают», как говорил Аркадий Николаевич, нашу родную, богатую, звучную речь. Помнят они российскую историю, знают очертания просторной отчизны нашей, знают по личным указаниям А. Н., что ответить на низкую клевету и на грубое невежество, которым стараются опорочить Россию. Рассеянные по свету, все они вспомнят могилу на чуждеальной стороне, все они

ИЗ ПИСЬМА ПРАВНУЧКИ ЛЬВА ТОЛСТОГО БАРОНЕССЫ ОЛЬГИ ИКСКУЛЬ (В ДЕВИЧЕСТВЕ МЯСОЕДОВОЙ) ОТ 9 МАРТА 1934 ГОДА: «Я ПОНЯЛА, НАСКОЛЬКО Я ЛЮБИЛА ШКОЛУ И КАК ТРУДНО СМИРИТЬСЯ С ТЕМ, ЧТО ЕЕ БОЛЬШЕ НЕТ. <...> Я УЖЕ ДАВНО ЗАМЕЧАЛА, ЧТО НА ВСЕХ НА НАС ЕСТЬ КАКОЙ-ТО ОТПЕЧАТОК И ВЕЗДЕ НАС МОЖНО ОТЛИЧИТЬ ОТ ДРУГИХ».

Урок физкультуры

прошепчут: «Спасибо, Аркадий Николаевич! Вечная Вам память!»⁶.

Великий князь Андрей Владимирович из Парижа написал по этому поводу Аделаиде Яковлевне Яхонтовой: «Как просто сказано, а как глубоко, верно и трогательно. Это лучшее доказательство, как верно понимал детей Аркадий Николаевич. Он в их душу заронил золотое зерно, а зерно дало всходы».

«Всходов» в архиве предостаточно — благодарные письма воспитанников своим бывшим наставникам, воспоминания о школьных годах... Олеся Волжина (внучка А. Н. Волжина — бывшего губернатора и обер-прокурора Синода): «Всегда вспоминаю годы, проведенные вместе с Вами, которые мне принесли столько пользы. Это только благодаря Вам я осталась (правда!) русской и знаю хорошо наш родной язык». Мать Ольги Мясоедовой (9 мая 1929 года): «Сколько забот и труда положили Вы на наших детей! Судя по моей Ольге, результат оказался хороший. Сравнить ее нельзя с тем, какою она была, когда поступила к Вам. Теперь, кроме радости, она мне ничего не доставляет. Любит учиться, есть сознание долга и очень разносторонние знания, чем она обязана, конечно, Вам». Отец Миши Сомова: «Ваш хороший отзыв о Михаиле как итог 6-летней учебы меня лишний раз убедил, что я был вполне прав, будучи всегда горячим сторонником созданной Вами и Аделаидой Яковлевной школы. Хорошее русское дело делаете Вы. Я уже получил извещение от жены, что все экзамены у Миши прошли благополучно. Лондон 18 июля 1931 года».

Из воспоминаний баронессы Татьяны Черкасовой, написанных по просьбе Ольги Икскуль в 1970 году:

«Кто-то когда-то мне говорил, что ты собираешь воспоминания о нашей школе «Александрино»⁷ и что даже просишь меня тебе написать, вернее, описать какие-нибудь эпизоды. Конечно, я многое помню. Здесь, в Аргентине, Ирина Александрова напомнила, как мы устраивали представления, в том числе как Марина Бетулинская, Вероника Михеева, Ирина Александрова и я пели квартетом из Фауста. <...> Нам нацепили капюшоны и приделали на резинках бороды. Публике показывали только головы, туловища были за занавеской. И вот я открываю рот, и на первой ноте резинка соскакивает, и я давлюсь бородой. Страхов видит смятение и начинает снова свой prelude, а из меня снова лезут нечленораздельные звуки. Положение спасла Ирина, которая вытянула руку и выковыряла у меня изо рта бороду. Конечно, публика давилась от смеха, а я стояла красная, смущенная и чуть не плакала. Все же мы спели, и нам сильно аплодировали — вероятно, главным образом из-за эпизода с бородой. <...>

Мы решили все же сами встретить католический Новый год в маленьком дортуаре. Все начальство, кроме Аделаиды Яковлевны, отсутствовало. Мы запаслись вином, закусками, а Ольга Тутолмина и я вывинтили пробки электричества на случай, если нас застанут врасплох. Около полуночи стали веселиться: вышло по полстакана вина на физиономию, что оказалось достаточным, чтобы привести нас в экстаз. Музыку заменял поставленный вверх дном ночной горшок, по которому мы выбивали какой-то дикий ритм. И вот в разгар веселья появляется в дверях белая фигура с папильотками на голове, это директриса — «Заколдованная Бородавка» (получила у детей

Репетиция хора

Концерт воспитанников во дворе виллы Сен-Сир

такое прозвище из-за большой бородавки на щеке) — протягивает руку к выключателю и... света нет! Мы, конечно, врассыпную... Когда Аделаида Яковлевна вернулась со свечкой, то все «сладко храпели».

* * *

В заключение скажем несколько слов о том, как архив дошел до наших дней. Этим всецело мы обязаны супруге и неумолимой

помощнице директора Аделаиде Яковлевне Яхонтовой. Когда только она находила время копировать официальные бумаги и письма, перепечатывать отчеты, скрупулезно собирать и сберегать до мельчайшей бумажки все, что касалось жизни школы? Хранила она и письма бывших воспитанников, писавших ей уже в США, где она жила в небольшой квартирке вместе с Великой княжной Верой Константиновной (дочерью поэта К. Р. — Великого князя Константина Романова). Уже на склоне

Воспитанники
школы после
концерта

Слева направо: Марина Бетулинская и Наля Долгорукова. Фотография 1930 года

лет Аделаида Яковлевна обратилась по поводу архива к одной из самых любимых своих учениц Ольге Мясоедовой (в замужестве Икскуль). Та ответила 20 марта 1968 года: «Мечта моя — что-нибудь составить из этого — вроде брошюры, но это только мечта — сейчас я этим заняться не могу. <...> Я думаю, что лучше отдать [архив] кому-нибудь (здесь или в Америке), кто дольше был в гимназии. <...> Подумайте и решите, оставить ли его в Америке или везти во Францию. Если архив передать, скажем, Марине Бетулинской, то я с удовольствием войду с ней в контакт, чтобы обсудить эпоху моего пребывания в школе и разобрать эту часть».

Ольга выполнила обещание и «вошла в контакт» с Мариной Бетулинской, взявшей на себя заботу об архиве. После смерти Марины (1992) коробку с надписью «Александрино» хранила ее сестра, Анна Юрьевна Смирнова-Марли, урожденная Бетулинская⁸ — также бывшая воспитанница школы в Ницце. Она-то и передала автору этих строк реликвию⁹ вместе со своими воспоминаниями, фрагменты которых приводятся ниже:

«Молитва была утром <...> до и после еды — и вечерняя. Утром всегда геркулес, днем

суп, солидное блюдо и фрукты, а вечером — легкое. Дети заглядывали в кладовку, ключи от которой Аделаида Яковлевна держала в своем переднике. Ее мы называли «Заколдованная Бородавка» и делали ей козни. <...> Ставили спектакли — «Горе от ума». Я читала по слогам — мальчик в первом действии. Иногда выступали приезжие артисты <...> из Художественного театра (Прага), Надежда Плевацкая с репертуаром народных песен».

«В «Александрино» за столом мы всегда играли в какие-то игры. Пропускали слова цепью — смеялись». Были всегда чем-

**«ДУХ ВОСПИТАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ
НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНОГО —
ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ ШКОЛУ БОЛЕЕ
ПОДХОДЯЩУЮ: ПОРЯДОК, СПОКОЙ-
СТВИЕ И РАЗМЕРЕННОСТЬ, ХОРОШИЕ
УЧИТЕЛЯ, ТОВАРИЩИ, БЛАГОЧЕСТИЕ,
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВА. МОЖНО
ПОДУМАТЬ, ЧТО ИЗ НАС ГОТОВИЛИ БУ-
ДУЩИХ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ».**

Сидят (слева направо): Нина Булгакова, Марина Бетулинская; стоят: Оля Мясоедова, Таня Гагарина, Люся Ряснянская. Фотография 1933 года

Участники школьной постановки «Горя от ума». Фотография 1920-х годов

то увлечены: ведь не было никакого ТВ, а сколько выдумок — и детских умных мыслей и увлечений».

«Был шикарный акт каждый год. Присутствовал Великий князь Андрей Владимирович. Девочки подходили брать призы-книги с реверансом, мальчики шаркали ножкой. Над всем этим — дух воспитания и просвещения

**«НО МЫ СПЛОТИМСЯ ВОЕДИНО,
И ДУШУ РУССКУЮ И РЕЧЬ
ПОМОЖЕТ НАМ «АЛЕКСАНДРИНО»
КАК ДАР ВСЕВЫШНЕГО СБЕРЕЧЬ!»**

нравственно-религиозного. Трудно представить школу более подходящую: порядок, спокойствие и размеренность, хорошие учителя, товарищи, благочестие, литература и искусства. Можно подумать, что из нас готовили будущих деятелей культуры».

От Анны Юрьевны мы узнаем и о судьбах некоторых воспитанников «Александрино»:

«Брат Мариши Воейковой погиб на войне. Дима Оболенский стал профессором Оксфорда. Миша Жуков, который бегал с Мариной Тутолминой на горку стрелять из пистолетов, стал инженером. Маричка Безобразова стала звездой балета Монте-Карло, а теперь или недавно имеет там свою балетную школу. Между прочим, у нас отчего-то всегда было соревнование в наших талантах, и ее толкнуло на

Певица Надежда Васильевна Плевицкая в «Александрино». Фотография 1928 года

АРХИВ

*Выпускница «Александрино» Анна Юрьевна Смирнова-Марли (урожденная Бетулинская).
Фотография 1950 года.*

А. Ю. Смирнова-Марли (справа) с автором очерка в Ричфильд-Спрингсе (США), где состоялась передача архива «Александрино». Фотография 2002 года

балет, когда она узнала, что и я учусь. Брат и сестра Мильтоны. Он погиб на войне. Класс старших был: Наля Долгорукая (еще жива Зайкова в Канаде), Таня Черкасова, Марина Чернявская (жива в Женевьев-де-Буа), Нина Булгакова осталась жить в Ницце, вышла замуж за француза, который принял православие, а сын ее стал священником. Певицей стала Ирина Александрова — в Аргентине. Моя сестра Марина Бетулинская до конца своих дней была верна нашей школе, переписывалась с Аделаидой Яковлевной, которая передала ей это сокровище — архив «Александрино».

Анна Юрьевна во многом способствовала и дальнейшему пополнению архивных материалов школы «Александрино». Она связалась по телефону с Андреем Владимировичем Бабкиным — сыном Марины Тутолминой, живущим в Канаде, передала ему мой электронный адрес. Андрей Владимирович прислал новые фотографии, рукописи и ниццкий журнал «Южанин» за октябрь 1996 года с воспоминаниями баронессы Ольги Икскуль, вновь посетившей Ниццу в 81-летнем возрасте. Ее ответом на вопрос корреспондента журнала

— «А что же стало со школой?» — я и закончу этот очерк:

«Школа закрылась в 1934 году. Позже, в 1970 году некто М. Ивков устроил здесь пансионат для бездетных русских стариков, который был закрыт после его смерти. Я побывала вчера в этих местах моего детства, и новый владелец М. Мерсье оказал мне любезный прием: я вновь увидела дортуары, классные помещения, кабинет директора — ничто не изменилось. Я рассказала хозяину о том, что когда-то в этом парке росло дикое апельсиновое дерево, несъедобные плоды которого падали в бассейн, и, несмотря на запреты наших учителей, мы украдкой их ели. М. Мерсье подвел меня к этому дереву, в ветвях которого золотился один единственный апельсин, будто приветствовавший меня. Я возьму этот апельсин на завтрашнюю встречу с моими одноклассниками, и 60 лет спустя мы, бывшие ученицы русской школы «Александрино», с волнением попробуем в первый и последний раз это воспоминание о нашей молодости — [плод], такой горький прежде, но сегодня ставший таким сладким...»

¹Школа в Ницце была названа «Александрино» в память об Императорском Царско-сельском (Александровском) лицее.

²Аркадий Николаевич Яхонтов — выпускник Императорского Царско-сельского лицея. Занимал пост помощника управляющего де-

лами Совета министров. Автор интереснейших записок, опубликованных в 1926 г. в «Архиве русской революции».

³Школьный нагрудный значок представлял собой Андреевский крест с короной и вензелем Великого князя Андрея Владимировича.

Гимн школы написал композитор и преподаватель пения А. А. Страхов. По всей видимости, текст гимна принадлежит А. Н. Яхонтову:

*Судьбы решенем на чужбине
Пока расти нам суждено.
Родных полей, родной святыни
Нам и увидеть не дано.*

*Но мы сплотимся воедино,
И душу русскую и речь
Поможет нам «Александрино»
Как дар Всевышнего сберечь!*

*И здесь мы все воспримем вскоре
Любви к отечеству урок,
И не зальет чужое море
Наш чисто русский островок.*

*Ведь среди чуждой нам стихии
У школьной нас блюдут скамьи
И слуги Царственной России,
И отпрыск Царственной семьи!*

⁴А. Н. Наумов — бывший губернский предводитель дворянства, выборный от земства в Государственный Совет, министр земледелия.

В эмиграции написал книгу «Уцелевшие воспоминания», в которой, в частности, вспоминает о Володе Ульянове (Ленине), с которым учился в симбирской гимназии.

⁵Александр Викторович Ельчанинов (1881–1934) — выпускник исторического факультета Петербургского университета. Отказался от академической карьеры и поступил в Московскую духовную академию. Секретарь Московского религиозно-философского общества имени Вл. Соловьева (1905). Преподавал в гимназии Левандовского в Тифлисе. Покинул Россию в 1921 г. Принял священство (1926). После «Александрино» был руководителем Русского студенческо-христианского движения. Его дочь Наталья училась в «Александрино», а дочь Мария вышла замуж за Н. А. Струве.

⁶Эти слова принадлежат воспитаннику «Александрино» Алику Игнатьеву — сыну графини Игнатьевой, урожденной княгини Гагариной, фрейлины Великой княгини Елены Владимировны.

⁷Баронесса Икскуль обращалась ко многим своим одноклассникам с предложением написать воспоминания об «Александрино». Это письмо Татьяны Черкасовой она переправила Аделаиде Яковлевне для архива.

⁸Анна Юрьевна Смирнова-Марли (1917–2006) — балерина, певица, поэт, композитор, автор «Песни партизан», ставшей гимном французского Сопротивления. Награждена орденом Заслуги и двумя орденами Почетного Легиона.

Всю жизнь вела подробнейший дневник. Она сохранила — даже в урагане военных лет — свою обширную переписку, в том числе с Великой княжной Верой Константиновной, Морисом Дрюоном, Валентином Распутиным, семьей Столыпиных, Шарлем де Голлем, Жаком Шираком. Анна Юрьевна сберегла также картины художников Николая Шервашидзе, Матвея Рейтлингера, Дмитрия Стеллецкого, редкие фотографии и газетные вырезки с материалами, проливающимися свет на судьбы многих оказавшихся в эмиграции русских людей (частично семейные реликвии А. Ю. Смирновой-Марли были переданы Российскому фонду культуры и Таганрогскому Государственному литературно-историческому музею-заповеднику, в который входит дворец Алфераки — дом ее предков).

В 2004 г. в Москве увидел свет сборник «Дорога домой», в который, помимо воспоминаний, стихов и песен самой Анны Юрьевны, вошли письма выдающихся деятелей XX в., статьи из газет и журналов, рассказы о представителях русского зарубежья, имена которых иначе могли кануть в Лету безвозвратно.

⁹Произошло это не случайно. А. С. Хайретдинова — радиожурналист, автор десятков радиопередач, газетных и журнальных статей об Анне Марли, консультант телефильма «Русская муза французского Сопротивления». С А. Ю. Смирновой-Марли ее связывала многолетняя творческая дружба. Дважды она была гостьей Анны Юрьевны в Ричфильд-Спрингсе (США), где они вместе работали над сборником «Дорога домой». — *Прим. ред.*